

I. ЭВОЛЮЦИЯ ДИСКУРСА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ И МАСС-МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.В. Аверина (Россия, Москва),
О.А. Кострова (Россия, Самара)

ЭВОЛЮЦИЯ ДИСКУРСА О НЕМЕЦКОЙ ГРАММАТИКЕ: НОВОЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРТИКЛЯ

Статья посвящена грамматическому дискурсу о *морфологической системе* немецкого языка. Рассматривается дискурсивный процесс в отечественной и зарубежной германистике. Основная его тенденция состоит в расширении теории – исследовании артикля в совокупности с другими языковыми категориями.

Ключевые слова: артикль, детерминант, квантификатор, вид, дискурс

Принято считать, что языковые изменения медленнее всего происходят в грамматике. Соглашаясь с этим устоявшимся мнением, заметим, что этого нельзя сказать о грамматическом дискурсе (грамматикологии), в котором отражается развитие общетеоретических положений, влияющих на описание и интерпретацию грамматических феноменов. Широко известно, например, влияние генеративной трансформационной грамматики на объяснение и графическое оформление синтаксических структур, влияние, которое сравнивается с языковой революцией, хотя сами по себе синтаксические структуры или типы предложений остались при этом без изменений.

Цель статьи состоит в том, чтобы проследить эволюцию грамматического дискурса в сфере морфологии немецкого языка. В центре внимания находится проблемный вопрос, вокруг которого на протяжении многих лет не утихают дискуссии, а именно, теоретическая интерпретация категории определенности/неопределенности имени. Проблема имеет особую актуальность при изучении немецкого языка как иностранного в России, поскольку в русском языке отсутствует категория артикля. Ошибки в употреблении артикля относятся, пожалуй, к самым частотным.

В грамматиках немецкого языка отечественных авторов традиционно рассматриваются семантико- и структурно-грамматические функции артикля [Admoni 1986: 133–137], а также роль артикля в коммуникативном членении предложения [Moskalskaja 1983: 178]. Ни одна из упомянутых теорий не дает однозначного объяснения случаев употребления артикля. Наиболее спорными представляются трактовки семантико-грамматических и коммуникативных функций артикля. Остановимся на них подробнее.

Семантика артикля связывается с понятиями индивидуализации и генерализации содержания, передаваемого именем существительным. В.Г. Адмони отмечал, однако, что здесь нет однозначной связи с выбором артикля, тем более, что при генерализации существительное часто употребляется без артикля. Важно отметить параллель, которую проводит В.Г. Адмони, сравнивая индивидуализацию и генерализацию имени с функционированием глаголов, обозначающих «однократные» и «многократные» процессы. Обозначая единичное действие, глагол сближается по значению с семантикой определенности, выражаемой в группе существительного артиклем [Admoni 1986: 134]. Это сравнение делает заявку на то, что функционирование артикля следует рассматривать в рамках всей системы немецкого языка.

Высказанная В.Г. Адмони мысль долгое время оставалась незамеченной, но, как мы увидим далее, она нашла тем не менее отклик в трудах как отечественных, так и зарубежных германистов. Прежде чем перейти к ее развитию, рассмотрим интерпретацию одного спорного случая употребления артикля, на котором останавливаются многие германисты. Речь идет о предложении типа: *Ich habe einen Vater*. Адмони определяет семантику этого предложения как выражение внешнего состояния, не исключая возможности учета позиции коммуникативного партнера, для которого отец говорящего может быть неопределенным [Admoni 1986: 134]. О.И. Москальская называет конфликтной ситуацию, в которой произносятся подобные предложения, поскольку употребление неопределенного артикля противоречит ситуативной определенности называемого

объекта. Единственное объяснение этому исследователь видит в рематической значимости объекта [Moskalskaja 1983: 181], связывая теорию артикля с актуальным членением высказывания.

А.Л. Зеленецкий и О.В. Новожилова, развивая коммуникативную теорию артикля, предлагают переименовать ее, заменив термины «определенность – неопределенность» на «рецентность – нерецентность», сохранив за неопределенным артиклем статус маркированного члена оппозиции, представляющего адресату существительное, которое обозначает новый предмет, отсутствующий в его пресуппозиции. Представляется важным заключение авторов о том, что категория рецентности – нерецентности имеет полевую организацию, предполагающую взаимодействие артикля с другими языковыми средствами, а именно, частицами, местоимениями, порядком слов [Зеленецкий, Новожилова 2003: 94-95].

Проблема соотношения артикля с другими детерминантами существительного привлекает внимание и немецких исследователей. В частности, П. Айзенберг видит проблему в отграничении артиклей от местоимений: наряду с *der Baum* и *ein Baum* можно сказать *dieser/ mein/ kein Baum*; *einige/ wenige / viele/ alle Bäume*. Несколько критично он подходит к интерпретации артиклей в грамматике Duden: авторы этой грамматики относят к артиклям в узком смысле слова *der, die, das* и *ein, eine, ein*, к артиклям в широком смысле слова – слова *dieser, mein* и *jeder* [Duden 1998: 309]. П. Айзенберг предлагает следующие критерии для разграничения артиклей и местоимений:

(1) к артиклям не могут относиться парадигмы, формы которых могут относиться к существительному и выступать сами по себе, например, *dieser, jener, einige*. Так, можно сказать *Diesen Kuchen mag ich* и *Diesen mag ich*, поэтому *dieser* – это не артикль;

(2) к артиклям не могут относиться слова *einer, keiner* и *meiner*. Хотя они и относятся морфологически к артиклям *ein, kein, mein*, тем не менее, не могут стоять перед существительным [Eisenberg 1986: 152].

Соответственно к артиклевым формам П. Айзенберг относит такие слова как *der, ein, kein, mein*. При этом *der* и *mein* – члены оппозиции, маркирующие определенность, противостоят им *ein* и *kein*. Но функциональное назначение этих слов – это не маркировка неопределенности, а попросту указание на то, что в контексте не всегда речь идет об определенности. В качестве аргумента П. Айзенберг приводит пример Г. Фатера:

(a) *Heinz hat ein Auto ausgeschlachtet und*

(b) *den Motor verkauft*

(c) *ein Rad verkauft* [Vater 1984: 27].

Здесь в предложении (b) артикль указывает на определенность, в то время как в (c) неопределенный артикль сигнализирует, что колесо не относится к разбитой машине. Для случая (c) характерна двоякая интерпретация: как определенность, так и неопределенность [Eisenberg 1986: 156].

Трактовка определенности и неопределенности особенно затруднена, по мнению П. Айзенберга, при нулевом артикле перед существительными во множественном числе. Нулевой артикль не является при этом однозначно маркером неопределенности [Eisenberg 1986: 160]. П. Айзенберг сопоставляет следующие примеры: *Die Bäume wurden gefällt* и *Bäume wurden gefällt*. При использовании определенного артикля во множественном числе речь идет об определенном наборе объектов, количество которых больше одного. Опираясь на определение И. Оомен [Oomen 1977: 36], П. Айзенберг называет определенными те существительные во множественном числе, которые обозначают количество больше одного [Eisenberg 1986: 156]. Это означает, что нулевой артикль, не маркирующий определенность, не указывает и на неопределенность. В этой связи П. Айзенберг обращает особое внимание на то, что изначально понятие определенного обозначения объектов было предложено в лингвистике только по отношению к единичным объектам [Russel 1905, Strawson 1952: 184, цит. по: Eisenberg 1986: 156].

В немецком языкознании существует еще ряд концепций, в которых определенный артикль рассматривается как маркер определенности, или детерминатор, а неопределенный – как своего рода количественный маркер, или квантификатор. Особую позицию в этой связи занимает Г. Фатер [Vater 1982]. Он пишет о существовании детерминаторов (*der, dieser, mein, derjenige, derselbe...*) и кванторов (*ein, kein, einige, manche, jeder...*). Неопределенный артикль, по его мнению, вообще не кодирует никакой неопределенности, а является количественным числительным, что Г. Фатер демонстрирует на следующих примерах:

Der eine Draht ist verborgen.

Mein einer Bruder studiert Physik [Vater 2012: 98].

Проблема разграничения неопределенного артикля и числительного занимает и Г.-В. Эромса, который разводит эти категории. Г.-В. Эромс считает, что несмотря на происхождение неопределенного артикля от числительного, в отличие от последнего неопределенный артикль никогда не может быть под ударением, например:

(a) *Dort steht ein Baum.*

(b) *Es ist wirklich nur **ein** Baum* [Eroms 2000: 250-251].

Здесь в случае (a) *ein* – неопределенный артикль, а в примере (b) *ein* – числительное. Тем не менее, Г.-В. Эромс интерпретирует неопределенный артикль как показатель количественных отношений, то есть квантификатор «1», при этом количественная семантика может быть как очевидной, как в (a), так и едва уловимой (b):

(a) *Ich habe gestern ein schönes Buch gelesen.*

(b) *Dies ist ein offensichtlicher Irrtum* [Eroms 2000: 260].

Получается, что если подходить к интерпретации артикля с этой позиции, то неопределенный артикль в предложении: *Ich habe einen Vater* передает не неопределенность, а имплицитно указывает на количественность. В таком случае возникает вопрос, как быть, например, с интерпретацией нулевого артикля во множественном числе в предложении типа: *Ich habe Geschwister*.

Оригинальную трактовку употребления артикля мы находим у И.И. Ревзина, который объясняет категорию определенности/неопределенности, исходя из понятия «термовости» существительного. Смысл «термовости» автор видит в том, «что термовое существительное соответствует терму в логической структуре высказывания» [Ревзин 2009: 65]. Эту роль существительного выявляет легкая замена личным местоимением и такие существительные употребляются с определенным артиклем [Ревзин 2009: 115]. Основным значением неопределенного артикля И.И. Ревзин признает «экзистенциальность, а именно указание на существование объекта и возможность его выделения из соответствующей предметной области» [Ревзин 2009: 120].

Понятие экзистенциальности в сочетании с семантикой неотчуждаемой принадлежности объясняет неопределенный артикль и в предложении типа: *Ich habe einen Vater* [Ревзин 2009: 122]. Важной в интерпретации И.И. Ревзина представляется оппозиция термовости как некоторой неделимой целостности, присущей существительным, заменяемым абсолютно термовыми словами – личными местоимениями, и дискретности как некоторой совокупности экзистенциальных объектов. Эту оппозицию можно рассматривать как продолжение мысли В.Г. Адмони о параллельности функционирования имени и глагола, а именно: термовые существительные близки по семантике глаголам совершенного вида, обозначающим действие в его целостности, а существительные, обозначающие некое протяженное существование, близки глаголам несовершенного вида, обозначающим членимое действие.

Мысль о том, что имени существительному присущи видовые оттенки, развивает в своей концепции Э. Лайс. Суть ее теории состоит в том, что все грамматические категории представляют собой лишь проявление единого категориального процесса и должны рассматриваться не отдельно, а как единое целое. Основопологающей категорией для языков различного строя является категория детерминированности/недетерминированности. В видовых языках, например, в русском, категория детерминированности/недетерминированности находит свое выражение в глаголе. При этом вид глагола имплицитно передает детерминированность имени, а для синтаксиса характерна тенденция к анафорическому использованию категории вида и свободному порядку слов. В безвидовых языках детерминированность/недетерминированность находит свое выражение в системе артикля. Артикль скрыто передает аспектуальные значения. Так же, как и вид, артикль анафоричен. Для артиклевых языков характерен фиксированный порядок слов [Leiss 2000: 268].

Согласно концепции Э. Лайс, артикль и вид можно рассматривать как номинальный и вербальный фенотипы, кодирующие внутреннюю и внешнюю перспективы высказывания. В соответствии с этим совершенный вид в русском языке отражает внешнюю перспективу, а несовершенный вид – внутреннюю перспективу. В немецком языке внешняя перспектива заложена в определенном артикле, а внутренняя – в неопределенном. Этот постулат можно продемонстрировать на следующих примерах, приведенных Э. Лайс:

(a) *Он колот дрова.*

Er hat Holz gespalten.

(б) *Он раскол дрова.*

Er hat das Holz gespalten [Leiss 2000: 14].

В случае (а) глагол в русском предложении стоит в форме несовершенного вида. В немецком варианте имя существительное не получает артикль, поскольку речь идет о неопределенном количестве дров. В (б) глагол стоит в форме совершенного вида. В немецком предложении имя существительное стоит с определенным артиклем и указывает тем самым на некую определенность, то есть известное количество дров. Это классический пример для объяснения единой природы категории вида в видовых языках и артикля – в безвидовых языках.

Э. Лайс находит видовые оттенки и в семантике самого имени существительного. По ее мнению, такие существительные как *Haus, Baum, Bleistift* обладают признаком целостности, и, соответственно, контурности, или определенности. Этим свойством не обладают такие существительные как *Liebe, Freundschaft* и т.д. Исчисляемые существительные обладают свойством неделимости и предельности (например, *der Tisch, der Stuhl*), неисчисляемые существительные таким свойством не обладают.

С позиции внутренней перспективы мы можем попытаться объяснить неопределенный артикль в предложении: *Ich habe einen Vater*. По всей видимости, он сигнализирует о том, что объект постоянно обладает чем-либо, это свойство неделимо и не может быть ограничено каким-либо временным отрезком.

Таким образом, как следует из краткого обзора теоретических концепций, эволюция дискурса об артикле происходит в отечественной и зарубежной германистике отчасти параллельно. На наш взгляд, общую тенденцию можно усмотреть в укрупнении теории, что выражается в стремлении исследователей рассматривать артикль во взаимодействии с другими языковыми категориями и – шире – в рамках всей системы немецкого языка. Представляется, что широкий взгляд на проблему особенно продуктивен в рамках сопоставительного языкознания. Рано давать однозначный и окончательный ответ на вопрос о функциональном назначении артикля, поскольку это требует дальнейшего детального изучения его функций во взаимосвязи с многоаспектностью видовой семантики и неоднозначностью трактовки числительных в системах разных языков.

Библиографический список

1. Зеленецкий А.Л., Новожилова О.В. Теория немецкого языкознания. – М.: «Академия», 2003.
2. Ревзин И.И. Структура немецкого языка. – М.: ОГИ, 2009.
3. Admoni W.G. Der deutsche Sprachbau. – М.: Просвещение, 1986.
4. Duden. Die Grammatik. Bd. 4. – Mannheim: Dudenverlag, 1998.
5. Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik. – Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1986.
6. Eroms H.-W. Syntax der deutschen Sprache. – Berlin: Walter de Gruyter, 2000.
7. Leiss E. Artikel und Aspekt. Die grammatischen Muster von Definitheit. – Berlin: De Gruyter 2000.
8. Moskalskaja O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – Moskau: Vysšaja škola, 1983.
9. Oomen I. Determination bei generischen, definiten und indefiniten Beschreibungen im Deutschen. – Tübingen: Max Niemeyer, 1977.
10. Russel B. On Denoting // Mind. Vol. № 56. – Oxford: University Press, 1905. – S. 479-493.
11. Strawson P.F. Introduction to Logical Theory. – London: Oxford, 1952.
12. Vater H. Der „unbestimmte Artikel“ als Quantor // Sprachtheorie und angewandte Linguistik: Festschrift für A. Wollmann zum 60. Geburtstag. – Tübingen: Narr, 1982. – S. 67-74.
13. Vater H. Determinanten und Quantoren im Deutschen // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. № 3, 1984. – S. 19-42.
14. Vater H. Referenz. Bezüge zwischen Sprache und Welt. – Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2012.

A. V. Averina (*Russia, Moscow*),
O. A. Kostrova (*Russia, Samara*)

EVOLUTION OF GERMAN GRAMMAR DISCOURSE: NEWS IN ARTICLE'S INTERPRETATIONS

The article deals with the discussion of grammar discourse in the morphological system of German. It is shown that this process takes place in local and foreign Germanistics. The main tendency is based on the enlargement of theories: researches consider the article in connection with other language categories.

Key words: article, determiner, quantifier, aspect, discourse, German.